

Валентин БАЮКАНСКИЙ

г. Липецк

МАНЬЧЖУРСКИЙ ДНЕВНИК

А что мы знаем о войне?

Сегодня, когда участников Великой Отечественной войны становится всё меньше и меньше, узнать об окопной правде того времени становится всё труднее. Именно поэтому возрастает значение фронтовых дневников, которые вели наши солдаты, офицеры и генералы, описывая происходящие события.

В своё время в Советском Союзе широко публиковались мемуары полководцев Великой Отечественной войны – маршалов и генералов. Но эти материалы увидели свет лишь спустя 15-20 лет после их написания. Не секрет, что в них вносились значительные коррективы с учётом политической обстановки в стране.

Многие советские граждане помнят появление в 70-х годах минувшего века автобиографических «шедевров» Леонида Ильича Брежнева, прочитав которые люди с удивлением узнавали, что одним из главнейших сражений войны были бои на Малой земле, где и отметился будущий генеральный секретарь ЦК КПСС, а тогда полковник, начальник политотдела 18-й армии Леонид Брежнев. При Сталине и Хрущёве о Малой земле говорилось гораздо меньше. Известно, что неод-

нократно исправлялись воспоминания маршала Георгия Константиновича Жукова, других видных военачальников.

Даже если не принимать во внимание существование цензурных ограничений, информация до сих пор остаётся неполной и весьма специфической. Спуститься с генеральских небес поближе к грешной земле возможно через фронтовые записи младшего командного состава и рядовых. Как ни талантливы были военачальники, но лишь благодаря огромному мужеству и стойкости простых солдат была достигнута Великая Победа. К сожалению, даже сейчас, когда повсеместно провозглашается идея сохранения исторической правды, не все российские архивы открыты для всеобщего ознакомления, а фронтовые дневники времён Великой Отечественной войны издаются крайне редко.

И вот – удача. Я случайно натолкнулся на книгу Виктора Митрофановича Кузубова «Маньчжурский дневник» – о судьбе художников-фронтовиков, выпускников Орловского художественного училища. Один из них вёл дневник, в котором рассказывал о своей службе в Монголии и о войне с милитаристской Японией.

Маньчжурский дневник

Если о войне с гитлеровской Германией написано достаточно много, то о войне с милитаристской Японией – в разы меньше. О ней рассказывал мне отец, гвардии младший сержант, которому пришлось принять участие и в той, и в другой. Наверное, поэтому я с интересом стал читать дневник и прочёл его за один присест.

С первых страниц я понял: о нём должны узнать и другие люди. Меня заинтересовали жизнь и мировоззрение молодого художника, волею судьбы оказавшегося в экстремальных условиях жестокой войны. Звали его Георгий Михайлович Лашин.

Георгий Лашин родился в Ельце в 1914 году. Отец его был старьёвщиком: собирал ветошь, бумагу, кости, металлолом. Узнав о намерении сына стать художником, огорчился, так как, по его представлению, таким ремеслом не обеспечить семью. После окончания елецкой фабрично-заводской школы Георгий работал в разных местах: и в художественной артели, и в сельском хозяйстве, но не забывал о своей мечте. В 1935 году он поступил в Московское художественно-промышленное училище имени Калинина.

В 1939 году Георгия призвали в ряды Красной армии. Он попал в 61-й кавалерийский полк 39-й Дальневосточной армии. Служба проходила сначала в Маньчжурии, потом в Монголии. Условия были суровыми: выжженные безводные и безлюдные степи с частыми песчаными бурями и резкими перепадами температуры. Солдаты истощались физически. Молодой боец Лашин давно не видел деревьев, отвык от привычной травы и цветов и многого того, что для других людей в России было привычным и обыденным. К тому же моральное состояние, когда годами ждёшь нападения врага, а он не появляется, угнетало. Лашин знал, что многие его сверстники сражались с фашистами, освобождая родную землю, а он и его товарищи вынуждены были находиться вдали от Родины.

С первых дней службы в Маньчжурии пограничники ожидали японцев. Ждали их нападения и в летние ночи, и в холодные зимние дни. Мокли под ливнем, замерзали в пургу. В Монголии каждый день происходили инциденты с нарушением границы. Солдаты жили в земле, рыли рвы, строили укрепления. Кое-кто, не выдерживая трудностей, пытался бежать. Таких ловили, отдавали под трибунал и расстреливали. Но большинство соотечественников, в том числе солдаты, воевавшие в Европе, о службе пограничников почти ничего не знали.

По воспоминаниям отца, которого после победы над Германией отправили на войну с Японией, отно-

шение воинов-победителей к солдатам, простоявшим всю войну в ожидании нападения на страну японцев, было негативным. Многие рокошсовцы (а отец служил в армии прославленного Константина Рокошсовского) говорили: «Мы кровь проливали, а они столько лет сидели в тылу – ну и вояки!» Хотя понятно, что личной вины солдат в том не было. Был приказ – и те его выполняли. Так, на 1 декабря 1941 года из 5 млн 495 тысяч человек общего состава Вооружённых сил Советского Союза на Дальнем Востоке и у южных границ находилось 1 млн 568 тысяч. И когда я прочитал дневник Лашина, в очередной раз убедился: эти люди героически служили стране на своём боевом рубеже. И, как признавался Георгий Лашин, лучше воевать, идти в бой, чем годами находиться в таких нечеловеческих условиях.

Прежде чем перейти к цитированию рассказа о боевых действиях, зафиксированных в дневнике, хотелось бы добавить ещё несколько слов о самом Григории. Интересно было узнать о мировоззрении и особенностях его творческой души, речь как-никак идёт о молодом художнике. Приведу две дневниковые записи.

«Много людей более талантливы, чем я, но у всякого человека есть самое дорогое, второе после Родины. Первое место – Родина. А второе – у одних женщины, вино, сытая жизнь, у других – наука, у третьих – ремесло, а у меня самое великое и дорогое – искусство. Так оно мне дорого, что мне кажется, что Родина и искусство для меня – одно и то же. Нет искусства без Родины, и я не завидую тому, у кого есть Родина без искусства. Пусть умрёт всё, пусть исчезнут все радости, всё дорогое, но останется искусство. Разве когда мир забудет Леонардо да Винчи, Анджело, Рафаэля? Разве мир забудет Репина, Серова, Левитана? И не забудет русский народ Верещагина, погибшего на Русско-японской войне 1905 года. Он выполнил долг до конца – долг русского патриота и художника. Мне очень и очень далеко до Верещагина, но долг свой, долг русского, я должен выполнить до конца. Пусть не будет меня, но моя Родина и искусство должны будут жить».

Думаю, что так же рассуждал и сам Верещагин, и многие русские интеллигенты, защищавшие Отчизну.

«Для того чтобы человек понял, что такое жизнь, нужно каждого пропустить через испытания жизни и смерти, через солдатскую долю, бои, огонь. Вот тогда он узнает цену жизни и её суть. А тот, кто не пройдёт этот страдный путь, тот душой обязан это понять, если душа у него есть. Для тех, чья жизнь в концертах и мамушкиной опеке, чья душа воспитана на литературе, – для тех не понять самую сокровенную глубину жизни».

Лашин уже шесть лет находился на территории Монголии. Наконец поступил долгожданный приказ.

9 августа 1945 года Лашин со своей воинской частью перешёл монгольскую границу. Бесчисленный поток советских танков, машин, орудий устремился на китайскую землю, захваченную японцами. За день наши воины преодолели 100 километров по непроходимой местности. Однако противника встретили лишь на второй день. Несколькими выстрелами отогнали отряд японцев. Прошли ещё 60 километров. Продвижение замедлилось. Приходилось идти с горы на гору – и так без конца. В долинах между гор места были вязкие, а травы – выше машин.

В этой простоте весь ужас войны

12 августа

Лашин записывает: «Говорят, что через час-полтора бой. Едем вперёд. Попадается первая машина с ранеными – она стоит под деревом, раненые лежат в разных позах, им делают перевязки. Впереди всё слышнее и слышнее орудийные выстрелы, треск пулемётов, ружей, автоматов. Показывается станция Болтан. Вокруг на горах дзоты, из них по колонне ведётся пулемётный огонь. Останавливаемся. По дзотам бьют наши орудия, пулемёты. Трассирующие пули красивым рикошетом летят по горам после удара о скалы. На станции горит разбитый нашими снарядами воинский эшелон японцев. Валяются разбитые вагоны, паровоз. Сопротивление подавлено, движемся дальше. Вокруг – трупы убитых японцев, под деревом наши бойцы копают могилу для наших убитых. А японцев много – от горящего эшелона запах жареного мяса, горы трупов около вагонов, развороченных нашими снарядами, и в самих вагонах. Это были курсанты японской офицерской школы, хотевшие из Солуна по железной дороге пробиться в город Ваньмяо. Наши машины едут по трупам японцев – вот одна кровавая масса, рядом ноги, вдавленные в землю до пояса, на поверхности только туловище. И запах гари и жареного мяса преследует нас – это война, ещё, правда, только её начало...»

«А вот наш боец – пуля пробила каску навывлет вместе с головой. Он лежит на спине, раскинув руки, согнув в последней судороге ноги. Раньше я думал, что война – это очень сложная вещь. А теперь вижу, до чего она проста. Но в этой простоте и заключается весь ужас войны... Всё весьма просто: жил человек, бежал, разгорячённый боем, вперёд – и вот он лежит, и для него кончено всё. Вся радость и горе жизни окончились – где-то ос-

талась старушка-мать, где-нибудь на Украине или в Калинин ждёт его девушка, а он лежит, полужакрыв глаза, на далёкой-далёкой чужой земле, и только его боевые друзья будут знать, где его могила, и никто не придёт на неё никогда».

Вот это и есть страшная, чудовищная правда войны. Для моего отца и миллионов солдат, успевших повоевать и дошедших до Берлина (отец закончил войну в латвийском городе Лиепая), эта апокалиптическая картина в самом начале боевого пути вызвала такие же эмоциональные чувства, как у Лашина, впервые столкнувшегося с массовой гибелью людей. Со временем солдаты воспринимали происходящее менее эмоционально, почти как должное. С ранимой душой нельзя воевать. Вольно или невольно человеку приходится этой самой душой черстветь. Моего отца в начале боевого пути прошедшие бои ветераны учили: «Хочешь жить – убей врага первым. Иначе он убьёт тебя».

В дневнике не раз ещё будут описаны гибель и японцев, и наших солдат. Не буду цитировать текст полностью, чтобы не травмировать психику современника, которому трудно понять, что такое война на самом деле. А она, как я неоднократно говорил, не компьютерная игра, тут нет дополнительных жизней. Да и сам Лашин считал, что это грязная работа, далёкая от романтики и высокопарных слов. Ограничусь лишь несколькими эпизодами и общей информацией. Японцы, стараясь избегать открытого боя, нападали в темноте или выскакивали из травы, которая была выше человеческого роста.

16 августа

«Дипломатия японцев хитрит, выигрывает время. Пока идёт болтовня о капитуляции, их войска отходят на восток, к морю, хотят уйти к себе на острова. Цель – собрать войска и вооружение. Их командование приказа о сдаче не даёт – война продолжается.

Сейчас вечер, солнце село за хребет Хингана. Тоска заполняет сердце. Там, на западе, – жизнь, люди, там мать, брат, сестрёнка. Скоро седьмой год пойдёт, как в чужих землях. Прошёл Монголию, Китай, сейчас в Маньчжурии. Душа устала, тоскует о человеческой жизни...»

Психологический прессинг и неизвестность – не знаешь, когда наступит твой последний час – побуждают человека удивляться, казалось бы, обыденным вещам – цветам, глотку чистой колодезной воды, красивому закату, не говоря о музыке – целительнице души, и дорожить этим. Лашин ценил искусство. Встреча с прекрасным всегда доставляла ему радость. Так, услышав музыку Чайковского, он рассуждает: «У агитмашины установили радиолу. Играет скрипка – Чайковский. Какая-то мамень-

кина дочка, избалованная, писала, что она умирает от музыки – так она её чувствует. Ложь. Она, такое создание, не может её чувствовать. Чувствовать её может человек не под крылом у маменьки. Вот здесь, на чужой земле, кругом враги, льются звуки Чайковского – и как волнуется душа! Нет слов, чтобы это выразить! Вот здесь, среди трупов японцев, рядом со смертью, эти звуки вгрызаются в душу навечно, навсегда. В звуки врывается выстрел – от этого они ещё ярче, звучнее, волнующее. Разве это когда-нибудь забудешь!»

Шло время. Наши и японцы гибли во время стычек даже тогда, когда японское руководство объявило о прекращении огня.

17 августа

«На том же месте. Слушали сводку: японцы переходят в контратаки на всех фронтах. Гражданские лица в Союзе думают, что война уже кончена, а у нас жертвы, бои продолжаются».

Мало, вероятно, я видел крови

Со времени начала боевых действий прошло всего десять дней. Лашин за это время не смог полностью отрешиться от своих прежних идеалов и воззрений – известно, что искусство способствует раскрытию лучших качеств в человеке.

18 августа

«Поймали раненного в ногу японца, привели к машине. У него какое-то японское знамя, рана на ноге гноится, в ней уже ползают черви. Он босиком, без оружия, сидит на земле и пишет по-русски на поданном ему листе бумаге. Отвечает на заданные вопросы, при этом путает – то ли от незнания, то ли умышленно. Называет себя солдатом второго разряда. Знамя белое с красным кругом посредине, всё знамя расписано японскими знаками – предполагают, что это росписи всего личного состава японского подразделения.

Допрашивают его долго, часа два, потом приказывают идти в кукурузу. Он понял зачем, не хочет идти, при этом поднимает вверх руки и показывает на ногу – «он раненый и сдался в плен». Все же его заставляют двигаться. Он идёт, сильно хромя, очень медленно – ждёт выстрела в спину.

На душе как-то давит, неспокойно, щемит какая-то тоска. Мало, вероятно, я видел крови и убитых. Или ещё не выветрилась у меня душа художника-гуманиста, душа до боли повышенной чувственности?

Я спокойно и уверенно стрелял туда, откуда стрелял враг в меня, ловил его на мушку – но в этого

пленного с наполненной червями тяжёлой раной, с просящими глазами я стрелял бы только по приказу командира, против желания своего организма. Представляю, что я тоже, вот так, в плену, сзади меня враги, и у меня такая рана – и я делаю с болью последние шаги, каждую сотую долю секунды ожидая выстрела. Нет, лучше смерть в бою, чем плен!

Японец всё идёт, подходит к кукурузе и обходит её стороной, мимо. Он хочет ещё пожить несколько секунд. Его вновь направляют в кукурузу. Наконец-то выстрелы – один, второй, третий, четвёртый. Наконец-то. Я понимаю, что это необходимо, что это война, иначе нельзя, отпустить тоже нельзя – он ночью приведёт из гор много своих, и нас перережут как цыплят. Но всё же он человек – безоружный, тяжело раненный...»

Удивительный фрагмент боевого дневника! С одной стороны, солдат Лашин действительно видел мало крови и убитых. Например, вся семья и почти все родственники моего отца погибли в ленинградскую блокаду. То, что тогда ему пришлось пережить, трудно описать без эмоций. Настолько тяжело, что, когда окончилась война, мой отец не стал возвращаться в родной город – слишком много горя было с ним связано. Наверное, поэтому отец после эвакуации из Ленинграда, а тогда ему было 18 лет, рвался в бой. Его не пугала смерть, ему хотелось отомстить за близких. С другой стороны, в душе русского человека всегда присутствует христианское милосердие к поверженным врагам. Не к тем, с кем воюешь, а к тем, кто уже повержен и сдался в плен.

После демобилизации отец остался жить на Сахалине. В 1950 году в составе агитбригады впервые в истории острова обошёл на лыжах вокруг Сахалина. Во время этого лыжного похода случайно набрёл в тайге на лагерь рабочих. Оказалось, это были военнопленные из разных стран, воевавшие на стороне фашистов. Были среди них и японцы. Им повезло – они искупили свою вину ударным трудом и многие смогли вернуться домой.

23 августа

«Вчера наш десант высадился в Порт-Артуре. Сколько в этом имени значения для каждого русского человека! 40 лет назад (для Лашина это не так давно, а для современных читателей – дела уже давно минувших дней) из-за бездарности и измены генералов царской армии Порт-Артур взяли японцы. Погибли тысячи русских солдат, погибли герои. Но война была проиграна. В этих маньчжурских полях и горах воевал и мой отец. И вот сейчас, через сорок лет, мы, сыны наших отцов, сыны солдат маньчжурских боёв, сами с боями пришли сюда, чтобы вернуть России её город Порт-Артур, возвы-

сить славу и величие Родины».

Оставшиеся записи дневника представляют собой рассказы о вылазках японских солдат, о гибели сослуживцев Лашина и его размышления о судьбе человека. Я ограничусь лишь двумя, на мой взгляд, наиболее значимыми.

А у нас, победителей, всё по-старому

3 сентября

«Победа! Сегодня большой день в моей жизни. Вчера часов в 12 ночи раздались выстрелы. Стрельба всё разгоралась и наконец превратилась в сплошной гул, от которого дрожала земля и глохли уши. Небо всё было изрезано линиями трассирующих пуль, было светло как днём от бесчисленных ракет.

Вначале думали, что нападение японцев, потом узнали: тов. Сталин обратился к народу с речью. Вторая мировая война во всём мире закончилась. Япония 2 сентября подписала акт о капитуляции, 3 сентября объявлено всенародным праздником Днём Победы.

Утро было прекрасное, тихое. Ярко светило солнце. Я лежал и думал о том, что где-то на Родине люди празднуют этот день, а у нас, победителей, всё по-старому. Правда, сегодня, в отличие от тех дней, выдали немного хлеба».

26 сентября

«Переехали границу Монголии и Маньчжурии. Подъезжаем к реке Халкин-Гол. Это легендарная

река – здесь в августе 1939 года наши воины давали отпор японцам, перешедшим границу. Здесь была уничтожена целая 6-я армия японцев.

Вот памятник нашим героям. Он сделан из гильз всех калибров оружия – от 155-миллиметровых орудий до винтовочных. Простой солдатский памятник тем, кто на чужой земле, за тысячи верст от родного дома, защищал нашу землю. Вокруг степь, ни единой души, только этот простой памятник.

Где-то есть у этих похороненных здесь воинов родные. Помнят они их, погибших шесть лет назад? Помнят ли тех, кто ради счастья сегодня живущих навеки остался в этой чужой пустыне?

Пусть знают все, кто сейчас живёт и радуется, что за их смех, за их улыбки, за их счастье, за их жизнь эти бойцы отдали лучшее и главное – свою жизнь».

Именно для того, чтобы мы всегда помнили о тех, кто ради нас отдал свою жизнь, и должна сохраняться историческая память, для того и нужны такие дневники, в которых честно, без прикрас, зафиксирована окопная правда.

Валентин Анатольевич БАЮКАНСКИЙ –

прозаик, публицист.

Родился 2 июня 1959 года в г. Липецке.

Член Союза российских писателей,

член Международной ассоциации писателей и публицистов МАПП.

Действительный член Международной академии русской словесности.

Лауреат литературного международного конкурса

«Балтийский Гамаюн» (Литва) в номинации «Публицистика»

за очерк «Семи смертям не бывать — одной не миновать».

Лауреат областной премии им. Е.И. Замятина.

Награжден медалью «Во славу Липецкой области».

